

РЕКРУТСКИЕ НАБОРЫ В ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ЭПОХУ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

В начале XIX в. основой комплектования русской армии продолжали оставаться рекрутские наборы. Рекрутчина накладывала огромный отпечаток на жизнь всего провинциального общества, особенно крестьянства. Рекруты набирались из податных слоев населения на основе рекрутской повинности. Каждое крестьянское или мещанское общество при объявлении рекрутского набора должно было представить соответствующее число людей, годных к военной службе. Необходимое число рекрутов по каждому набору определялось в зависимости от степени некомплекта войск. Рекрутский набор чаще всего объявлялся в августе или сентябре «именным указом» или манифестом императора, в соответствии с которым Сенат рассылал постановления к гражданским губернаторам, в губернские правления и казенные палаты с указанием того, кому и как проводить набор. Военное министерство составляло расписание войск, в котором отмечался их некомплект и число поступавших на пополнение рекрутов от каждой губернии. Обычно набор рекрутов начинался 1 ноября и проходил в течение двух месяцев.

Рекрутские наборы проводились на основе «Генерального учреждения о сборе в государстве рекрут и о порядках, какие при наборах исполнять должно», изданного в 1766 г.¹ Этот документ обобщал уже установившуюся практику и порядок проведения рекрутских наборов, называл те слои населения, которые подлежали рекрутской повинности. Помещики, общины государственных крестьян и мещан должны были выставлять рекрутов с определенного числа душ. Мелкопоместные дворяне, не имевшие достаточного количества крестьян для выставления одного рекрута, объединялись и платили так называемые складочные деньги тому помещику, который по жребию вынужден был поставить рекрута за других². «Генеральное учреждение» определяло основные параметры принимаемых рекрутов: возраст, рост, состояние здоровья и т.п. Предполагалось брать в рекруты «из положенных в подушный оклад дворовых людей и крестьян и детей их здоровых, крепких и к военной службе годных, от 17 до 35 лет, ростом в 2 аршина 4 вершка без обуви, а ниже оной меры и старше 35 лет, напротив того и моложе 17 лет, отнюдь не принимать»³. Однако накануне Отечественной войны 1812 года эти правила уже подверглись некоторому изменению. Так, в 1806 г. во время проведения 77-го рекрутского набора были снижены требования к физическим данным принимаемых в рекруты людей: нижняя граница роста уменьшалась на вершок, а предельно допустимый возраст повышался на год. В 78-й и 79-й рекрутские наборы набирали рекрутов не ниже 2 аршин 3 ¹/₂ вершков и возрастом от 19 до 37 лет, в 81-й (1811 г.) - не ниже 2 аршин 3 вершков и возрастом от 18 до 37 лет.

Целью данной публикации является выявление особенностей проведения рекрутских наборов в Пензенской губернии в эпоху Отечественной войны 1812 года - губернии, где одновременно проходило и формирование народного ополчения⁴.

Первый рекрутский набор (82-й по общей нумерации), проводимый в 1812 г., был объявлен императорским манифестом от 23 марта 1812 г. Требовалось собрать по два рекрута с 500 душ от мещан, цеховых, ямщиков, приписных к конной гвардии, государственных, удельных и помещичьих крестьян, положенных в оклад по 6-й ревизии. Манифест был получен в Пензе 8 апреля. Рекрутский набор предлагалось провести в мае в течение одного месяца. В Пензенской губернии следовало собрать 1639 рекрутов⁵. По высочайшему указу от 13 мая 1812 г. рекрутов 82-го набора предполагалось направить в 12 новых полков, вновь формируемых в разных городах страны: восемь пехотных (по два в Костроме, Владимире, Рязани и Тамбове) и четыре егерских (по два в Ярославле и Воронеже). Согласно расписанию Военного министерства, рекруты из Пензенской губернии поступали для формирования пехотных полков в Тамбов (877 человек) и егерских полков в Воронеж (500 человек)⁶.

Для того чтобы «избежать всякой медлительности, которая только по сей нужной государственной повинности встретиться может» и чтобы «во всем нужном, до сего предмета относящемся, удобнее и заблаговременно сделать должное распоряжение», пензенский губернатор князь Г. С. Голицын предложил открыть рекрутское присутствие 17 апреля, «прежде назначенного срока». К 1 мая рекрутским присутствием уже было принято 663 рекрута (или 40,5% от необходимого количества), а к концу месяца набор был практически завершен. В недоимке числился лишь 61 человек⁷.

Следующие два рекрутские набора (83-й и 84-й), объявленные в 1812 г., в Пензенской губернии полностью легли на плечи государственных (однодворцев, экономических, ясачных) и удельных крестьян, а также помещанских обществ. Помещичьи крестьяне от этих наборов были освобождены, так как поставляли ратников в ополчение.

Императорский манифест от 4 августа 1812 г. о проведении 83-го рекрутского набора, полученный в Пензе 17 августа, предписывал собрать с удельных и государственных крестьян по два рекрута со 100 душ. Рекрутский набор предлагалось начать 1 сентября и завершить к 1 ноября 1812 г.⁸ Из-за возросших потребностей в пополнении армии он сопровождался резким снижением требований к поставляемым рекрутам. Предписывалось принимать людей не старше 40 лет и не ниже 2 аршин 2 вершков с телесными недостатками, которые не влияют на то, чтобы маршировать, носить амуницию и владеть ружьем. Военное министерство разрешало допускать к рекрутским наборам «редковолосых, разноглазых и косых, ежели только зрение их позволяет прицеливаться ружьем; имеющих бельмы или пятна на левом глазе, лишь бы правый глаз был совершенно здоров; заик и косноязычных, могли бы сколько-нибудь объясняться; не имеющих до 6 или 8 зубов боковых, лишь бы только были в целости передние, для скусывания патронов необходимые; с маловажными на черепе наростами, не препятствующими носить кивер или каску; с недостатком одного пальца на ноге, лишь бы ходил свободно; имеющих на левой руке один какой-либо сведенный палец, не препятствующий заряжать и действовать ружьем; кастратов»⁹.

По 83-му рекрутскому набору с Пензенской губернии следовало собрать 3560 рекрутов. Сначала они должны были направляться в Арзамас в распоряжение генерала от инфантерии Д. И. Лобанова-Ростовского. Однако в конце ноября по предписанию управляющего Военным министерством князя А. И. Горчакова маршрут движения рекрутских партий был изменен. И те рекруты, которые еще не успели прибыть в Арзамас, перенаправлялись в Орел¹⁰.

В ходе набора первоначально возникли сложности с приемом рекрутов. Достаточно сказать, что за первую половину сентября 1812 г. было набрано всего 136 человек. Пензенский губернатор связывал это с тем, что «все почти прежние чиновники земской полиции, быв назначены в ополчение, сменялись и сдавали должности их избранным вновь чиновникам», и надеялся, что «с окончанием ныне перемен сих высылка рекрут происходить будет гораздо поспешнее»¹¹. Однако к окончанию набора количество недоимочных рекрутов было весьма велико и составляло 577 человек (или 16,2%)¹².

14 декабря 1812 г. в Пензе был получен императорский манифест от 30 ноября о проведении 84-го рекрутского набора, согласно которому предписывалось собрать по восемь рекрутов (в четыре очереди по два рекрута) с 500 душ. От рекрутской повинности вновь освобождались помещичьи крестьяне. Пензенской губернии следовало собрать 2851 рекрута. По правилам приема на сбор У части рекрутов давался месяц, после чего начинался прием следующей очереди и т.д. Рекрутов 1-й четверти 84-го набора из Пензенской губернии предписывалось направлять к генералу от инфантерии Д.И. Лобанову-Ростовскому на формирование новых батальонов взамен тех, которые должны выступить к действующей армии, рекрутов 2-й, 3-й и 4-й очередей следовало отсылать в Белосток¹³. К 15 мая 1813 г. рекрутским присутствием было принято лишь 2095 человек (или 73,5 % от необходимого количества)¹⁴. Князь Г. С. Голицын сообщал в Министерство полиции о том, что задержка в приеме рекрутов происходила из-за волнений ратников Пензенского ополчения, произошедших в Инсаре, Саранске и Чембаре в декабре 1812 г., которые «могли сделать влияние на поселян»¹⁵.

Манифест от 21 августа 1813 г., полученный в Пензе 2 октября, объявил о проведении 85-го рекрутского набора, согласно которому предписывалось собрать по восемь рекрутов с 500 душ, положенных в оклад по 6-й ревизии. Этот набор распространялся и на помещичьих крестьян. Пензенская губерния должна была собрать 5647 рекрутов, которые предназначались для пополнения резервной армии и должны были отправляться в Брест-Литовск. Взамен рекрутов разрешалось поставлять строевых лошадей. За каждого рекрута предполагалось принимать «кирасирских по 4 лошади, а драгунских и конно-егерских по 5, гусарских же и уланских по 6 лошадей». От Пензенской губернии взамен 160 рекрутов предлагалось принять 800 лошадей (200 кирасирских, 300 драгунских и конно-егерских, 300 гусарских и уланских)¹⁶. Сбор лошадей проходил в Тамбове. Правом замены поставки рекрута на поставку лошадей в основном воспользовались помещики, а не общества государственных крестьян или мещан. Количество поставленных от Пензенской губернии лошадей взамен рекрутов в итоге оказалось даже больше намеченного в ведомости. В ходе набора Пензенская губерния поставила 939 лошадей (вместо

намеченных 800) за 181 рекрута: кирасирских 134 за 33 $\frac{1}{2}$ рекрута (при точном подсчете), драгунских и конно-егерских 400 за 80 рекрутов, гусарских и уланских 405 за 67 $\frac{1}{2}$ рекрутов¹⁷.

К 30 декабря 1813 г. Пензенским рекрутским присутствием было принято 3987 рекрутов. В недоимке числилось 1660 человек (или 29,4 %) ¹⁸.

Таким образом, за четыре рекрутских набора, проведенных в 1812-1813 гг., податное население Пензенской губернии должно было выставить 13 697 рекрутов (в 82-й рекрутский набор 1639 человек, в 83-й - 3560, в 84-й - 2851, в 85-й - 5647). В связи с тем, что помещичьи крестьяне участвовали в формировании Пензенского ополчения, они были полностью освобождены от поставок рекрутов в 83-й и 84-й наборы. Основная тяжесть выполнения рекрутской повинности в ходе этих наборов легла на плечи государственных крестьян и мещан.

Вообще, по мнению многих отечественных исследователей, рекрутчина являлась самой тяжелой и разорительной государственной повинностью¹⁹. Снаряжение рекрутов тяжким бременем ложилось на крестьянские и мещанские общества. До 1808 г. рекруты приходили в полки в крестьянской одежде, которой их должны были снабжать отдатчики. Им полагались кафтан крестьянского сукна, шуба, шапка, рукавицы, штаны, пара белья, чирики или упоки с чулками. Указом Правительствующего Сената 23 мая 1808 г. предписывалось, чтобы рекруты при приеме имели «одеяние, приличное службе, в которую поступают, сколько для удобнейшего при обучении их военной экзерциции, столько и для того, дабы сия одежда могла некоторое время заменять обыкновенный солдатский мундир, по причине нарочитой потребности в сукнах для обмундирования всей армии». Вместо крестьянского кафтана и сермяжных штанов рекрутам предполагалось давать кафтаны солдатского покроя с обтяжными пуговицами и панталоны из простого сермяжного сукна, «лишь бы оно было добротное и к носке прочное, с холщевой подкладкою». Рекрутам также полагались солдатские галстуки с манишками и суконные ранцы в виде простых сумок. Кроме того, вместо шапки рекрут получал фуражку, вместо чириков или упоков одну пару обыкновенных крестьянских сапог из твердой кожи, вместо двух пар чулок зимние и летние подвертки. Рубахи, рукавицы, порты и шуба «оставались по-прежнему без всякой перемен»²⁰. С 1811 г. вместо шубы отдатчики должны были снабжать рекрута кафтаном, сходным по покрою с шинелью, а с 1813 г. - шинелью серого, смурого или даже черного сукна. Крестьянское сукно и холст на обмундирование, нитки и «на пуговицы деревяшки» выставляли отдатчики тех крестьянских и мещанских обществ, откуда поставлялся рекрут²¹.

В 1812-1813 гг. в Пензенской губернии шитье рекрутских мундиров и поставка прочих вещей, необходимых для снаряжения рекрутов сдавались на подряд купцам и мещанам. Так, сразу же после получения манифеста о проведении 82-го набора князь Г. С. Голицын, отметив, что набор проводится «в необычное время» и у населения могут возникнуть затруднения в закупке сукна и прочих вещей, предложил желающим принять участие в торгах на поставку рекрутского обмундирования. Торги выиграла пензенские купцы 2-й гильдии А. Очкин и М. Неудачин, согласившиеся поставить сукно, холст и прочие вещи, необходимые для изготовления обмундирования рекрутов (мундира, шаровар, ранца, фуражки, галстука с манишкой из серого или белого и шинели из серого сукна с холстинною подкладкой «и прочим прибором и шитвом»), за 40 руб. Для сравнения, при объявлении в 1811 г. 81-го рекрутского набора эта сумма составляла 41 руб. Пензенские мещане согласились поставить пару сапог, две пары рубах с портами и рукавицы с варьгами за 11 руб. Таким образом, обмундирование рекрута обходилось отдатчикам свыше 51 руб.²² Испрашивая для А. Очкина и М. Неудачина у министра полиции монаршее награждение за сноровку, отличнейшую исправность и распорядительность, пензенский городничий отмечал, что «многие из дворян и поселян... привезя вместе с рекрутами сукно и холст и не находя выгод строить из них обмундирование, отвозили назад и вместо же того брали готовое у подрядчиков»²³.

При проведении следующего, 83-го набора в августе 1812 г. подрядчики, пензенские купцы А. Очкин, П. Казицын, М. Неудачин и М. Чернышев, согласились поставлять рекрутское обмундирование за 65 руб. 25 коп., что было на 28% выше той стоимости, которая сложилась при проведении предыдущего набора. Однако рекрутским присутствием она все равно была «найденна по известной ныне на все вещи и материалы отменной дороговизны против бывших в начале года цен, для поселян выгодною и много облегчительною»²⁴. Торги на поставку рекрутского обмундирования при проведении 85-го набора в 1813 г. привели к некоторому снижению цены на него (59 руб. 75 коп.), что явилось показателем уменьшения цен на сукно, холст и другие товары²⁵.

Помимо обмундирования рекрутов, на отдатчиках лежала обязанность по обеспечению их продовольствием и жалованьем. Первоначально продовольствие поставлялось натурой в виде определенного количества муки, крупы и соли, а на жалованье рекруту выдавалось 3 руб. Позднее

натуральные поставки продовольствия были заменены деньгами. В зависимости от места приема партионный офицер выплачивал обывателям за питание от 5 до 8 коп. в день. В 1813 г. эта дневная плата была увеличена на 5 коп., а жалованье, полагавшееся рекруту, достигло 5 руб.²⁶

Удалось установить, что в Пензенской губернии сумма, взимаемая с отдатчиков на провиант и жалованье рекруту по 83-му набору, составила 8 руб. 86 коп. Следовательно, снаряжение одного рекрута 83-го набора обходилось крестьянскому или мещанскому обществу в 74 руб. 11 коп., или по 1 руб. 49 коп. с ревизской души²⁷.

Таким образом, рекрутская повинность сопровождалась для крестьянских и мещанских обществ большими расходами. В начале XIX в. в Пензенской губернии снаряжение рекрута минимально обходилось в 70-80 руб., что составляло, в зависимости от условий набора, 1 руб. 10 коп. - 1 руб. 50 коп. с ревизской души. Однако натуральные поставки обмундирования и провианта приводили к росту издержек из-за необходимости приобретения нужных вещей на рынке по высоким ценам, возможных злоупотреблений со стороны отдатчиков и увеличения времени нахождения рекрута в общине до его отдачи в рекрутское присутствие. Поэтому снаряжение рекрута реально обходилось отдатчикам в 300-400 руб. (по 4-6 руб. с одной ревизской души, а в малых по численности крестьянских общинах достигая даже 10-12 руб.)²⁸. Так, при проведении 83-го набора денежные сборы с «казенных поселян» г. Саранска для снаряжения 44 рекрутов должны были составить 3260 руб. 84 коп. (снаряжение одного рекрута обходилось не более чем 74 руб. 11 коп.). В то время как реально было собрано 10048 руб. 13 коп., т.е. в 3,1 раза больше требуемой суммы. Пензенский губернский прокурор И.А. Чарыков поручил саранскому полицмейстеру и уездному судье совместно с уездным стряпчим разобраться в этом деле, поскольку «таковой расход денег, употребленный на отдачу рекрут, превосходит всякое вероятие и совершенно отяготительный для поселян и долженствующий заключить в себе злоупотребление и лихоимство»²⁹.

Государство стремилось заменить натуральную форму поставок обмундирования и провианта денежной, что позволило бы, по мнению властей, снизить расходы населения на рекрутскую повинность в связи с минимизацией суммы сбора. Однако это вело и к некоторым негативным последствиям. Для получения необходимых денежных средств в условиях сравнительно низкой товарности производства крестьянин вынужден был бы выходить с результатами своего труда на рынок и реализовывать сельскохозяйственную продукцию по ценам, которые складывались в данный момент и могли оказаться ниже ее реальной стоимости. Это было для крестьянина невыгодно и потому неприемлемо. Государство могло оказаться перед проблемой увеличения сроков проведения рекрутского набора и роста недоимок в связи с тем, что отдатчики не располагали необходимыми денежными средствами для снаряжения рекрутов.

В целом следует отметить, что проблема рекрутских недоимок в начале XIX в. стояла достаточно остро. Перед началом Отечественной войны 1812 года наблюдалась динамика неуклонного роста недоимок, что, в частности, прослеживается на примере Пензенской губернии. Так, на 1 января 1811 г. в губернии значились в недоборе 117 человек (по 79-му набору - 82, по всем остальным - 35)³⁰. По ведомости Пензенского рекрутского присутствия, составленной в мае 1812 г., в недоимке по прошедшим наборам числилось уже 200 человек (по 76-му набору - 3, по 77-му - 2, по 78-му - 18, по 79-му - 32, по 80-му - 20, по 81-му - 125)³¹. Перед проведением 85-го набора осенью 1813 г. в губернии было уже 305 недоимочных рекрутов, а в марте 1814 г. их число достигло 1000 (789 рекрутов числилось в недоимках по 85-му набору и 211 - по остальным)³².

Называя основные причины рекрутских недоимок в своем донесении Сенату еще в конце 1810 г., пензенский губернатор А.Ф. Крыжановский отмечал, что, во-первых, недоимочные рекруты состоят на тех помещиках, которые распродали своих крестьян, «а из достальных душ оказались одни умершими, другие отданными прежде в рекруты, а иные беглыми». Во-вторых, недоимки происходят из-за неправильного, по мнению владельцев, назначения на них рекрутов. В-третьих, из-за многократного представления в рекрутские присутствия «неспособных и негодных к службе» людей. В-четвертых, в селениях государственных крестьян многие, особенно очередные, находятся в бегах или отлучках³³. Князь Г.С. Голицын, сообщая в феврале 1814 г. главнокомандующему в С.-Петербурге С.К. Вязмитинову о проведении 85-го набора, так рассуждал об основных причинах рекрутских недоимок: «...главную причину недоимки рекрут была не только необыкновенная распутица осени, продолжавшаяся до самого декабря месяца, но и необыкновенная по непрерывным вьюгам и метелицам зима, имевшая последствием неудобность молотбы хлеба и продажи его, так как через сей единственно способ выручаются здесь деньги на необходимые нужды поселян; а от сего и вышло, что отдатчики по большей части привозили

рекрут без денег на обмундировку и прочие принадлежности потребных, за которыми принуждены были обращаться опять в селении и там дожидаться пока сбудут с рук крестьянские продукты, чтобы иметь деньги. Сверх сего и разные... недостатки представляемых в рекруты людей, из коих обраковано было рекрутским присутствием при всем желании ускорить набор 7331 человек, столь много затрудняли ход дела сего, что отдатчики должны были ездить в свои селения и переменять их другими способнейшими, что так же делало значущую расстановку во времени скорого сбора рекрут»³⁴.

Действительно, на рост рекрутских недоимок и увеличение сроков набора влияла поставка отдатчиками в рекрутские присутствия негодных в физическом отношении людей. Еще в 1809 г. пензенский губернатор А.Ф. Крыжановский отмечал, «что весьма часто случается, отдатчики привозят своих рекрут первоначально неспособных, неочередных, увечных, малорослых и несколько раз обракованных рекрутским присутствием людей, коих и при настоящем наборе принять невозможно, а только пересматриванием оных теряется напрасно время»³⁵. Например, при проведении 85-го набора к 20 января 1814 г. на 4309 принятых рекрутов пришлось 7331 «обракованных»³⁶.

В начале XIX в. в целях экономической и налоговой целесообразности государство попыталось персонифицировать отбор рекрутов среди городского населения и в общинах государственных и удельных крестьян. В 1805 г. при проведении очередного набора казенные и удельные селения обязывались предоставлять мирские приговоры губернским казенным палатам и удельным экспедициям, которые должны были проверять правильность отдачи рекрутов и возможность ведения хозяйства и уплаты податей выставявшими их семьями³⁷. Новый рекрутский устав, принятый в 1810 г., определял очередной порядок набора рекрутов. Раскладка велась по рекрутским участкам на основе «семейных рекрутских очередей»³⁸. Каждое общество государственных крестьян и мещан по уравнительному принципу разделялось на пятисотные участки, где каждому семейству определялась соответствующая очередь в зависимости от численности работников в них. За семейство принимались отец с детьми или родные братья, живущие в одном или особых один от другого домах. Причем семьям «ни под каким видом» для избежания рекрутской очереди не разрешалось разделяться³⁹.

Однако очередной порядок грубо нарушался. При назначении в рекруты общины обходили зажиточных и многосемейных, вносивших крупные суммы «на покупку рекрут» и поэтому пользовавшихся большими льготами при освобождении от военной службы, и заменяли их семьями с одним работником, которые должны были освобождаться от рекрутской повинности, или беднотой. Местные органы власти довольно часто рассматривали прошения различных лиц о неправильном причислении их к первой рекрутской очереди. Так, например, в ноябре 1812 г. при проведении 83-го набора бывший купец 3-й гильдии Яков Попов, который «по необъявлению капитала» в начале 1809 г. был причислен к наровчатскому мещанству, подал прошение в Пензенское рекрутское присутствие о неправильной его отдаче в рекруты. Его прошение было удовлетворено, так как он находился в мещанском сословии лишь четыре года и не мог «равняться в рекрутской повинности с прочими мещанами, давно состоящими в этом звании»⁴⁰. В марте 1813 г. новокрещены деревень Старые Пичингуши, Штялим и Тумалей Краснослободского уезда Матвей Иванов, Артем Алексеев и Назар Иванов подали словесную жалобу губернскому прокурору «на несправедливость поселян их деревень», которые «без всякой причины хотят их отдать, якобы за худое поведение, в рекруты, для чего и содержат их в железах недель пять». А то, «что они худого поведения взведено на них напрасно по одним только проискам богатых очередных поселян и единственно для того, чтоб чрез отдачу их, бедных, одиноких, в рекруты избавиться тем богатым от поставки рекрут из своих семейств»⁴¹. В мае 1814 г. Пензенское губернское правление рассмотрело прошение экономического крестьянина с. Ушенки Керенского уезда Акима Захарова, в котором он писал, что в августе 1813 г. его сын Герасим был отдан в рекруты «не по очереди, а по одним нападкам», но оказался к военной службе неспособным и отпущен обратно домой. Однако после этого крестьянское общество еще четыре раза возило его в рекрутское присутствие. Кроме того, оно делает ему и его семейству «разные притеснения», как то: дважды посылало его в Пензу на его же лошадях для отдачи в рекруты другого его сына, которого также звали Герасимом; волостной голова Филипп Петров взял с него 5 руб.; «и дом его совсем разорили, ворота и двери повывломали, зерновой хлеб, приготовленной для посева, потравили скотом и по нынешнему весеннему времени совсем от хлебопашества отдалили тем, что обоих детей его, его жену его завсегда содержат скованных в железы, а чрез то и довели его до недоставления к платежу государственных податей, коих ежегодно сходит с каждой души по 21

рублю». В их же селе есть довольно число очередных семейств, которых общество от поставок рекрутов освобождает, а его, Захарова, неочередного, притесняют и разоряют. Губернское правление приказало керенскому земскому исправнику и уездному стряпчему разобраться в этом деле⁴².

Очевидно, отдача в рекруты неочередных в начале XIX в. приняла угрожающие размеры, так как рекрутские присутствия постоянно вынуждены были реагировать на подобные нарушения и предупреждать нарушителей о возможности применения к ним наказаний. В 1808 г. в «Журнале Керенского рекрутского присутствия» отмечалось, что «представляемые Керенской округи коронными поселянами при мирских приговорах в рекруты большею частью не очередные, а потому в принятии оных происходит большая остановка и в разбирательстве затруднение». В связи с чем присутствие приказывало Керенскому земскому суду предписать всем волостным головам следить, чтобы общества выбирали рекрутов «из самых старейших в селениях семейств» и ни под каким видом не осмеливались представлять к рекрутской отдаче из малосемейных. В противном случае «за слушание и неисполнение» волостные головы должны быть преданы «законному суждению»⁴³. Однако в дальнейшем ситуация несколько не изменилась. В июле 1813 г. Пензенское рекрутское присутствие предложило удалить от должности наровчатского волостного голову, однодворца Слободы Старой сотни Василия Баженова за неоднократную высылку им рекрутов из неочередных семей, что приводило к замедлению темпов приема рекрутов⁴⁴. А в ноябре 1814 г. Пензенская казенная палата постановила удовлетворить прошение однодворца с. Чепурновка Наровчатского уезда Ермолая Федорова и определила «отданного по минувшему 85-му набору в рекруты обществом оного села сына его Пимена Ермолаева, так как он при означенном отце его, которому более 50-ти лет есть один сын и дома управитель», заменить его на рекрутского очередника из другого семейства⁴⁵.

Различные негативные стороны, связанные с функционированием очередного порядка набора рекрутов в государственной деревне при проведении 83-го набора, рассмотрены в записке губернского прокурора И. А. Чарыкова, адресованной Пензенской казенной палате. В ней, в частности, отмечалось, что «прием в рекруты коронных поселян был производим без рассмотрения, все ль очередные представляются и поступают в рекруты. Сие происходило от того, что ни рекрутское присутствие, ни казенная палата не имеют у себя посемейных списков по 6-й ревизии, хотя уже и целый год прошел, как она наступила, а принимались люди в рекруты по мирским приговорам, которые в себе никакой почти справедливости не заключают, потому что когда сочиняются сии мирские приговоры... то богатые очередные тех в миру поселян, кои больше всех могут на сходке кричать и всякую несправедливость делать, стараются чрез посредство вина и денег склонять на свою сторону для того, чтоб им только избавиться от поступления в рекруты, и вместо их в приговорах написали бы неочередных бедных и одиноких, показав первых очередными, а последних или дурного поведения или несостоятельными платить государственные повинности, что по желанию богатых всегда почти и делается. <...> Многие неочередные бедные, одинокие из страха, чтоб не попасться в руки их, притеснителей, как только узнают, что есть рекрутский набор, то тотчас отлучаются из своих домов и бывают в той отлучке во все время набора, оставя в домах престарелых родителей, жен и малолетних своих детей терпеть всякую нужду; обыватели ж за то с первыми из оставших в домах нередко поступают тирански, как то: раздевают их, обливают водою и ставят на мороз для того, чтоб допытаться, куда скрылись их дети и мужья; а после сего заставляют их сыскивать и представлять к себе отлучившихся для представления их в рекруты»⁴⁶.

В частновладельческих селениях сложилась несколько иная практика отдачи рекрутов. Формально каждый молодой крестьянин мог поступить на службу на основе рекрутской очереди. По замечанию В.А. Александрова, отбор рекрутов происходил, во-первых, из числа большесемейных, т.е. многотяглых крестьян, во-вторых, из числа бесхозяйственных («непрочных»). Первый принцип освобождал от рекрутской очереди хозяйства, имеющие 1-2 работников, второй - очищал общину от хозяйственно слабых элементов и тем самым, отвечал интересам зажиточных слоев деревни, которым приходилось брать на себя выполнение их тягловой повинности⁴⁷. Однако при этом помещик оставлял за собой право утверждать мирские приговоры и, следовательно, именно его решение являлось определяющим.

Повсеместно помещики и общины придерживались правила: прежде всего сдавать в рекруты «штрафных», а только затем - очередных. Если крестьянин или дворовый впадал «в немилость» к господину, а тем более был заподозрен «в возмущениях» своих односельчан, то следовало приказание о внесении провинившегося в штрафную книгу или о немедленной отдаче в

рекруты. Помещик мог отдать в рекруты «штрафного» крестьянина в любое время, в зачет будущих наборов.

Впрочем, от неугодных миру людей стремились избавиться и общества государственных, удельных крестьян и мещан. Так, в апреле 1812 г. по приговору служилых татар д. Акашевой Краснослободского уезда «за дурные поведения» был отдан в рекруты Хабибулла Абдулов⁴⁸. И этот случай являлся не единичным.

В начале XIX в. увеличивалось число помещиков и людей других сословий, которые освобождались от поставки рекрутов при условии внесения за каждого рекрута «натурою по 2000 рублей»⁴⁹. Несмотря на острую потребность в пополнении армии новобранцами, государство пошло на это для привлечения в казну дополнительных денежных средств. По подсчетам Л.П. Богданова, если в 1810 г. было засчитано 8340 рекрутских квитанций, то в 1811 г. - уже 10 000⁵⁰. Крестьянские общины и мещане стремились заранее обеспечить себя ими и затем расходовать их по мере необходимости. Например, во время 84-го набора в Пензенской губернии была зачтена 21 рекрутская квитанция⁵¹.

Зажиточные крестьяне нередко прибегали к найму желающих исполнить за них или их детей рекрутскую повинность. Например, при проведении 82-го набора пензенский мещанин Никита Дьячков был принят в рекруты за Ореста Болдырева, так как он «с ними, Болдыревыми, с самого малолетства имеет знакомство и по хорошему их к нему расположению, пожелал оную очередь ис платежа за него податей отвести сам»⁵². В июне 1812 г. в зачет будущих наборов за семейство однодворца с. Хутор Нижнеломовского уезда Спиридона Медведева в рекруты был отдан однодворец Конной Слободы г. Нижнего Ломова Александр Юмин. В его прошении в Пензенское рекрутское присутствие говорилось, что семейство Медведева «поведения хорошего и во всем обществе полезное». Он же, «не имея склонности к домостроительству, отчего и дошел до несостоятельности производить платеж податей, а имеет ревностное желание поступить из платежа за него тех податей и всяких мирских повинностей до будущей 7-й ревизии за их, Медведевых, семейство в зачет будущих наборов в рекруты»⁵³.

При проведении рекрутских наборов нередким явлением были злоупотребления местных властей и взяточничество чиновников. Так, в 1812 г. чембарский земский исправник Щетинин взял 30 руб. у ясачного крестьянина с. Кевда Вершина Федора Никифорова, чтобы освободить его сына от рекрутской очереди, а когда сын все же был отдан в рекруты, возвратил ему через своего дворового человека лишь 10 рублей, оставив остальные деньги себе⁵⁴.

Определенные проблемы в Пензенской губернии возникали при отправлении рекрутских партий. Основные правила приема и отвода рекрутов определялись в «Наставлении», изданном в 1804 г. Кроме того, в расписании, составляемом Военным министерством к каждому набору, указывалось, откуда должна быть снаряжена воинская команда для сопровождения рекрутов в назначенное место⁵⁵.

В начале XIX в. количество рекрутов, препровождаемых до места назначения в каждой рекрутской партии, неуклонно возрастало. Если в 73-й набор рекрутские партии насчитывали по 115-130 человек, то в 78-й и 79-й наборы - по 250-300 человек, а в 84-й и 85-й - уже по 400-500 человек⁵⁶. Численность же конвойной команды постоянно сокращалась. Во время Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии ощущался явный недостаток офицеров и «нижних чинов» гарнизонных батальонов, который сказывался и на препровождении рекрутских партий. Так, в октябре 1812 г. при проведении 83-го набора командир Пензенского внутреннего гарнизонного батальона майор Пейкер рапортовал князю Г.С. Голицыну, что для провода каждой рекрутской партии он может отрядить не более двух унтер-офицеров и шести рядовых «по случаю неполного комплекта и раскомандировки людей». Что касается офицеров, то «оных состоит в баталионе 11. Из них в командировке 1, казначей 1, больных 2, да необходимо нужно оставить при баталионе для содержания караулов и на случай экстренной какой-либо командировки 3». Майор Пейкер просил пензенского губернатора выделить «с гражданской стороны обывательских проводников на партию по 40 человек» и «для отвода рекрут дворянских чиновников 4-х человек»⁵⁷. Схожие проблемы сохранились при проведении 84-го и 85-го наборов. В декабре 1813 г. вновь назначенный командир Пензенского гарнизонного батальона полковник Водопьянов рапортом доносил князю Г.С. Голицыну, что «на отправление с рекрутскими партиями... за раскомандировкою господ штаб- и обер-офицеров будет оных недостаточно» и просил отрядить для сопровождения рекрутских партий дворянских чиновников⁵⁸. Пензенский губернатор предложил уездным предводителям дворянства выделить по одному дворянскому чиновнику от уезда из числа дворян, оставшихся после роспуска резервного ополчения, а полковнику

Водопьянову - увеличить рекрутскую партию с 400 до 500 человек, «чем самым уменьшится как число партий, так и чиновников для препровождения их потребных»⁵⁹. Однако некоторые уездные дворянские корпорации по тем или иным причинам не смогли выставить дворянских чиновников для препровождения рекрутских партий. Так, краснослободский и мокшанский уездные предводители сослались на отсутствие в уезде дворян⁶⁰. Инсарский предводитель объявил, что после роспуска резервного ополчения в уезд прибыл лишь прапорщик Грязев, «которому 59 лет, и два сына в 1-м ополчении и две дочери остаются малолетние без матери... Об оном... представлено ... на утверждение его в заседатели в Инсарский земский суд на место г-на Ягодинского, выходящего за имевшейся у него действительно чехотной болезнью и косноязычьем; а потому и ныне... назначить из дворян Инсарского уезда некого»⁶¹. Выбранный от Чембарского уезда отставной поручик С. Разгильдеев не явился, представив сведения о своей болезни⁶².

Многие рекруты не выдерживали те большие тяготы, которые выпадали на их долю на длительном пути к месту службы, тем более что, как правило, передвижение рекрутских партий осуществлялось в зимние месяцы. Среди рекрутов обычным явлением были болезни, нередко приводившие к смертельному исходу, некоторые совершали побег. Так, на основании сохранившихся в фонде «Канцелярии Пензенского губернатора» Государственного архива Пензенской области 10-дневных рапортов дворянского чиновника, титулярного советника Герасимова, который сопровождал 8-ю рекрутскую партию (85-го набора) из Пензы в Брест-Литовск со 2 марта по 19 августа 1814 г., можно констатировать, что из 500 рекрутов, вышедших из Пензы, 17 были оставлены в госпиталях, пять умерли и семь бежали⁶³. Партионный офицер, в партии которого оказывалось свыше 10% умерших, бежавших и оставленных в госпиталях, препровождался на гауптвахту до тех пор, пока из госпиталей не вернутся все оставленные рекруты.

В 1813 г. из-за того, что рекрутские партии были «обременены больными», многие рекруты были изнурены и в большом количестве совершали побег (особенно в Подольской, Волынской, Лифляндской, Эстляндской и Казанской губерниях), последовало несколько циркулярных предписаний главнокомандующего в С.-Петербурге С.К. Вязмитинова о лучшем продовольствовании рекрутов. В частности, в циркуляре от 20 марта 1813 г. он предписывал губернаторам принять меры к тому, чтобы «на трактах, по которым рекруты следуют, могли они находить как можно чаще мясную или рыбную порцию». «Если где-то есть недостаток в означенных продуктах, то давать рекрутам крутую гречневую кашу или картофель с маслом постным или скоромным, смотря по времени, также кислую капусту, соленые огурцы или другое съестное»⁶⁴. Циркуляром от 2 июля 1813 г. С.К. Вязмитинов вновь предписывал губернаторам обратить внимание на то, что в некоторых губерниях, особенно в отдаленных местах, рекрутам не доставляется не только мясная или рыбная пища, но и не дается ничего взамен, кроме суровых щей и хлеба⁶⁵. В циркулярном предписании от 3 июля 1813 г. главнокомандующий в С.-Петербурге потребовал от губернаторов, «чтоб во время следования рекрутских партий, градские и земские полиции со всею расторопностью надзирали и предохраняли партионных офицеров от следования через те места, где болезни существуют или вновь появляются; ибо проходящие партии, заражаясь от оных, обременяются больными. Сверх же того, чтоб на ростах и ночлегах доставляема им была от обывателей за установленную плату лучшая пища, с произведением определенной винной порции, в предупреждении всякого изнурения, оказывающегося в партиях; в рассуждении побегов рекрут было бы сделано строжайшее и повсеместное предписание о сыску и поимке оных, пресекая тем всякое укрывательство и пристанодержательство»⁶⁶.

Предоставление рекрутским партиям подвод и проводников, а также обеспечение рекрутов ночлегом и пропитанием осуществлялись крестьянскими и мещанскими обществами на основе подводной и постоянной повинности. В военное время эта повинность тяжким бременем ложилась на крестьян и мещан особенно тех населенных пунктов, которые располагались на главных трактах движения рекрутских партий. Так, в сентябре 1812 г. ясачные крестьяне с. Селиксы Городищенского уезда писали о том, что для препровождения различных партий они ежедневно обязаны были снаряжать от 40 до 100 подвод. В то же время ясачные крестьяне сел Чемодановка, Вышелей и Пазелки, расположенных неподалеку, «никакой подмоги им не делают, отчего их селение пришло в крайнее разорение»⁶⁷.

Нередко между партионными офицерами и обывателями возникали спорные ситуации, подчас перераставшие в конфликты⁶⁸. Главнокомандующий в С.-Петербурге С.К. Вязмитинов даже вынужден был разослать губернаторам циркулярное предписание (от 8 июля 1813 г.), чтобы

те контролировали действия партионных офицеров, которые самовольно забирали у обывателей лошадей, загоняли их в другие губернии, а иногда и вовсе не возвращали⁶⁹.

Контроль за выполнением крестьянскими и мещанскими обществами подводной и постоянной повинностей осуществлялся земскими судами и городничими. Дворянские чиновники земских судов сопровождали рекрутские партии по территории уезда, следили за порядком и уплатой обывателям прогонных денег.

Солдатская служба была настолько тяжела и изнурительна, что немногие после ее окончания возвращались домой. Не случайно она приравнивалась к отбыванию каторги или даже к смерти. Поэтому в народе всегда смотрели на рекрутчину как на самое тяжелое наказание, хотя и «законом предусмотренное». Рекрутские наборы порождали среди податных сословий различные формы протеста. Желая избавиться от тягот военной службы и не видя иных путей к избавлению, молодые люди из тех семей, на которые падала рекрутская очередь, после объявления царского манифеста о проведении набора совершали побеги из своих селений или прибегали к членовредительству. Так, в 1812 г. при проведении 82-го набора чембарский земский исправник Щетинин доносил пензенскому губернатору князю Г. С. Голицыну, что он был в казенных селениях с. Маче и деревнях Куликовке и Кукарке для объявления их жителям высочайшего манифеста. «И оных деревень соцкие с лучшими людьми,- писал он, - показали, что состоящие у них на рекрутской очереди обыватели все почти побегом скрылись, и просят для удержания на будущее время от подобных побегов представить их к отдаче после явки в зачет будущих наборов, а отцов или сродственников, которые непосредственно знают о настоящем их укрывательстве, но не объясняют и делают тем всякое пособие на уклонение от государственной повинности, а миру отягощение не отдачею в срок и убытки через платеж штрафных на излишние проезды, предавать суду»⁷⁰. Пензенский губернатор распорядился, что если «состоящие на очереди в казенных селениях семейства разбежались, то по сей необходимости высылать годных на службу из семейств, под очередью состоящих, а бежавших, когда явятся в селении, предоставить обществам представлять в зачет будущих наборов неукоснительно, дабы не было поводу другим делать подобные побеги»⁷¹. Однако проблема побегов так и не была решена. В том же году при проведении 84-го набора чембарский земский исправник Щетинин не смог в намеченный срок собрать рекрутов из татарских деревень Мочалейской волости, так как многие татары из очередных семейств, отпущенные «по пашпортам» для работы в Астрахань, живут там по просроченным паспортам до тех пор, пока не узнают об отдаче всех рекрутов, причитающихся с их деревень⁷².

В начале XIX в. массовый характер приобрело и членовредительство, к которому прибегали рекруты в целях избавления от тяжелой солдатской службы. Доказательством этого, в частности, является попытка законодательного урегулирования этого вопроса. Указом Правительствующего Сената 18 февраля 1798 г. было предписано, «ежели кто из назначенных в рекруты, не хотя служить, отсечет сам себе у руки пальцы, либо какой член, или другою какой раной себя уязвит, таким чинить жестокое наказание, а именно: которые ружьем владеть могут, тех гонять шпицрутен сквозь 500 человек 3 раза и определять в солдаты, а кои ружьем владеть не могут, с таким же наказанием писать в извозчики, ежели ж за большим либо увечьем и в извозчиках быть не годны, тех бить плетью нещадно и ссылат в каторжную работу по смерть» с зачетом помещику за рекрута⁷³.

В «эпоху Отечественной войны 1812 года» имели место различные случаи членовредительства и в Пензенской губернии. Так, в 1812 г. ясачный крестьянин д. Мордовской Карины Краснослободского уезда Афанасий Девятайкин в целях избежания рекрутства выдернул себе зубы, говоря, что они выпали сами от болезни⁷⁴, а татарин д. Кутеевщины Чембарского уезда Абдулмян Абдулхаиров отрубил себе указательный палец правой руки⁷⁵. Случаи членовредительства рекруты и члены их семей обычно пытались представить как случайность и заручиться показаниями свидетелей. Так, ясачный крестьянин д. Годяйкиной Городищенского уезда Василий Дмитриев «недели за две перед Рождеством Христовым при обдελывании в избе деревянных лопат без всякого умысла, не для убежания рекрутской очереди, а единственно от нечаянности, отсек у себя левой руки указательного пальца первой сустав, причем были пришедшие в тот день поутру оной же деревни крестьяне Степан Иванов и Григорий Антипов»⁷⁶. Иногда дело доходило до смешного. Так, крестьянин дочерей покойного генерал-лейтенанта И.В. Левашова, девиц Татьяны, Екатерины и Анастасии, с. Лопуховки Городищенского уезда Игнатий Анисимов, говоря о поврежденном большом пальце левой руки, заявил, что его откусила лошадь, когда он показывал кукиш⁷⁷. К сожалению, архивные материалы не дают возможности

представить полную картину этого явления. Можно сказать лишь то, что оно было весьма распространенным. Так, в делах Городищенского уездного суда за 1804-1812 гг. удалось обнаружить сведения о 19 случаях членовредительства среди ясачных и помещичьих крестьян, проживавших на территории уезда, в том числе шесть случаев приходится на 1812-1814 гг.⁷⁸ Однако, безусловно, эта форма протеста против рекрутчины была более распространенной⁷⁹. Не случайно членовредительство, совершаемое для избежания рекрутчины, нашло отражение и в устном народном творчестве:

Пальцы рубят, зубы рвут,
в службу царскую нейдут⁸⁰.

Общинные власти стремились бороться с теми семьями, которые путем членовредительства пытались переложить бремя рекрутской повинности на других. И в этом отношении интересы крестьянских и мещанских обществ совпадали с интересами государства.

Иногда отдельные крестьяне или даже мирское общество в целом по тем или иным причинам отказывались выполнять рекрутскую повинность, что особенно проявилось в 1812-1813 гг., когда податное население было буквально задавлено рекрутскими наборами и сбором ополчения. Свои опасения по этому поводу неоднократно высказывал в своих письмах из Вологды О. А. Поздеев: «...рекрутами крайне мужики отягощены, а нынешний год третий раз рекрутство», «при этакоем частом и строгом рекрутстве и наборах ожидай всеобщего бунта против Государя, и дворян и приказчиков, кои власть Государя подкрепляют»⁸¹. Так, в 1812 г. ямщик Чинской Слободы Краснослободского уезда Матвей Николаев оказал сопротивление обывателям во время его отдачи в рекруты, «причем у одного из них рассек топором одежду, а у другого спину»⁸². Ясачный крестьянин с. Кангуши Краснослободского уезда Абрам Алексеев был наказан 40 ударами кнута и сослан на Нерчинские рудники «за причинение во время братья его в рекруты ножом трех ран того ж села крестьянину Сидору Петрову, отчего он помер»⁸³.

Мастеровые Инсарского чугуноплавильного завода Никонова не выставили рекрутов по 79-му, 81-му и 82-му наборам и отказались поставлять ратников во внутреннее ополчение на том основании, что «считали себя не владельческими крестьянами, а приписанными к заводу мастеровыми, с которых по высочайшему указу 9 ноября 1800 г. рекрутов брать не велено»⁸⁴. В сентябре 1812 г. казенные крестьяне Болдовской волости Инсарского уезда отказались выставлять рекрутов по 83-му набору, мотивируя это тем, что «у них. как рекрут, так и положенной на них одежды еще нет, да и приготовления по оному еще не начато». Их действия поддержал волостной голова Устим Булычев, который при приезде в село дворянского заседателя Инсарского земского суда Кликунова «с великой грубостью отвечал ему», что двухмесячный срок, положенный на поставку рекрутов, пройдет еще не скоро, «да и обывателям нужно. заготовить сухарей и круп, и тогда уже могут отправиться с рекрутами в Пензу; без какового заготовления им и ехать туда нельзя»⁸⁵.

Таким образом, при проведении трех рекрутских наборов (82-го, 83-го и 84-го) в 1812 и одного (85-го) в 1813 г. Пензенская губерния должна была выставить 13 697 рекрутов. Если учесть, что еще 13 933 человека в 1812 г. стали ратниками ополчения (9292 вошли в состав основного и 4641 - в состав резервного ополчения), численность поступивших на военную службу составила 27 630 человек (или 6,7% всего податного населения губернии). В связи с тем, что помещичьи крестьяне участвовали в формировании Пензенского ополчения, они были полностью освобождены от поставок рекрутов по 83-му и 84-му наборам. Поэтому основная тяжесть выполнения рекрутской повинности в ходе этих наборов легла на плечи мещан, государственных и удельных крестьян.

Рекрутчина являлась самой обременительной и разорительной государственной повинностью для крестьянского населения. снаряжение одного рекрута обходилось в 70-80 руб. Однако рост издержек и всевозможные злоупотребления со стороны отдатчиков приводили к увеличению этой суммы в 3-4 раза.

Накануне Отечественной войны 1812 года в Пензенской губернии, как и на территории всей Российской империи, наблюдалась динамика неуклонного роста рекрутских недоимок. На их рост и увеличение сроков приема рекрутов влиял целый ряд факторов природно-климатического, социально-экономического и политического характера, о чем в своих донесениях в С.-Петербург неоднократно сообщали губернские власти.

Очередной порядок набора рекрутов в государственной деревне грубо нарушался. На него накладывало свой отпечаток расслоение крестьянской общины. При назначении в рекруты зачастую избегали повинности зажиточные крестьяне, а выбор падал на бедных и малосемейных. В частновладельческих селениях определяющим при сдаче в рекруты являлось решение помещика. Повсеместно крестьянские общины стремились в первую очередь сдать в рекруты «штрафных» и бесхозяйственных крестьян, не платящих государственные подати.

Итак, рекрутские наборы оказывали огромное влияние на повседневную жизнь российской провинции. Они не только вырывали из крестьянских и мещанских обществ значительную часть мужского населения, лишая хозяйства рабочей силы, но и несли податным сословиям неимоверные тяготы из-за постоянного увеличения расходов на поставку рекрутов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. СПб., 1830. Т. XVII. №12748. (Далее ПСЗ).

² См., напр.: *Богданов Л.П.* Русская армия в 1812 году: Организация, управление, вооружение. М., 1979. С. 57-58.

³ ПСЗ. Т. XVII. №12748.

⁴ Автор уже обращался к различным аспектам проведения рекрутских наборов в средневожских губерниях в первые годы правления Александра I. См.: *Белоусов С.В.* Провинциальное общество и Отечественная война 1812 года (по материалам Среднего Поволжья). Пенза, 2007. С. 88-108; *Он же.* Особенности препровождения рекрутских партий в 1801-1815 гг. (по материалам Пензенской губернии) // Военно-мобилизационная деятельность государства и российское общество в XVIII-XX веках: Сб. статей междунар. науч. конф. Тамбов, 2008. С. 32-36; *Он же.* Формы социального протеста податных сословий при проведении рекрутских наборов в 1801-1815 гг. и формировании ополчения (по материалам Пензенской губернии) // Поволжский регион: проблемы, поиски, решения: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2008. С. 156-161; *Он же.* Рекрутские недоимки в 1801-1815 гг. (по материалам Среднего Поволжья) // Российский крестьянин в годы войн и в мирные годы (XVIII-XX вв.): Сб. тр. участников науч. конф. Тамбов, 2010. С. 193-197.

⁵ Государственный архив Пензенской области (далее ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-1об; Ф. 196. Оп. 1. Д. 388. Л. 116.

⁶ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 8. Л. 29-32, 35-36об, 41об-42.

⁷ Там же. Д. 425. Л. 50, 82-83.

⁸ Там же. Д. 399. Л. 65; Д. 424. Л. 1.

⁹ Там же. Д. 426. Л. 6-7об; *Щепетильников В.В.* Комплектование войск в царствование императора Александра I // Столетие Военного министерства (1802-1902). Т. 4: Главный штаб. СПб., 1902. Ч. 1, кн. 1. Отд. 2. С. 56; *Ульянов И.Э.* Регулярная пехота 1801-1855. М., 1996. С. 10. Эти требования сохранялись и при проведении 84-го рекрутского набора.

¹⁰ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 424. Л. 37-40, 57, 58об.

¹¹ Там же. Л. 27-27об, 28-28об.

¹² Там же. Ф. 60. Оп. 1. Д. 409. Л. 621-622.

¹³ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 399. Л. 202; Д. 426. Л. 1-1 об, 6-7об, 24-24об, 39-39об, 53-53об.

¹⁴ Там же. Д. 427. Л. 74.

¹⁵ Там же. Л. 11-12.

¹⁶ Там же. Д. 474. Л. 1-1 об, 91, 116-116об; Д. 475. Л. 1-2об, 13, 14.

¹⁷ Там же. Д. 475. Л. 239-239об.

¹⁸ Там же. Д. 474. Л. 103.

¹⁹ См., напр.: *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М.:Л., 1946. Т. 1. С. 259-261; *Клеянкин А.В.* Хозяйство помещичьих и удельных крестьян Симбирской губернии в первой половине XIX в. Саранск, 1974. С. 79; *Неупокоев В.И.* Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVIII - начале XIX в. М., 1987. С. 194.

²⁰ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 255. Л. 176-176об.

²¹ Там же. Д. 347. Л. 27об.

²² Там же. Ф. 60. Оп. 1. Д. 409. Л. 163-164, 173-174об.

²³ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 425. Л. 82-83.

²⁴ Там же. Ф. 60. Оп. 1. Д. 409. Л. 418-421.

²⁵ Там же. Д. 427. Л. 102, 123-125.

²⁶ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 441. Л. 75; Д. 474. Л. 322об, 339об, 422об, 489об.

²⁷ Там же. Ф. 60. Оп. 1. Д. 409. Л. 428об-429.

²⁸ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 474. Л. 524-525.

²⁹ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 380. Л. 240-241об. В своей записке, адресованной Пензенской казенной палате, в январе 1813 г. губернский прокурор отмечал, что «при отдаче рекрут отдатчиками всегда много издерживается денег на неоправданные расходы, как то: на покупку рекрутам таких вещей, которых совсем им и не положено, на покупку вина рекрутам, которого отдатчики, конечно, сами более оных выпивают, и на прочее сему подобное; а для сего всегда собирается в селениях с обывателей денег вдвое более, чем потребно оных, и таковые зборы иногда по несколько раз чинятся на одну отдачу рекрут; сие так делается оттого более, что отдатчики рекрут и прочие поверенные по делам их, имеющие хождения, никогда в деньгах, данных им на расходы, не отдают всем поселянам надлежащего отчета, а только тем одним в миру людям, которые их в отдатчики и поверенные выбирают и с ними во всех излишних расходах участвуют» (ГАПО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 418. Л. 138-145об).

³⁰ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 379. Л. 93.

³¹ Там же. Д. 425. Л. 43.

³² Там же. Д. 474. Л. 215; Ф. 6. Оп. 1. Д. 407а. Л. 128-136об.

³³ Там же. Д. 379. Л. 93-94.

³⁴ Там же. Д. 474. Л. 216-218.

³⁵ Там же. Д. 347. Л. 25-26.

³⁶ Там же. Д. 475. Л. 230-230об, 239-239об, 243.

³⁷ Александров В.А. Сельская община в России (XVII - начало XIX в.). М., 1976. С. 244.

³⁸ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX в. М., 1973. С. 71; Неупокоев В.И. Указ. соч. С. 194.

³⁹ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 474. Л. 518-518об.

⁴⁰ Там же. Ф. 60. Оп. 1. Д. 409. Л. 653-654.

⁴¹ Там же. Д. 420. Л. 379-381об.

⁴² Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 409. Л. 893-894об.

⁴³ Там же. Ф. 60. Оп. 1. Д. 335. Л. 150. Это происходило повсеместно. Ср. с записью в «Журнале Саранского рекрутского присутствия»: «...из числа предоставляемых коронными поселянами к отдаче в рекруты по рассмотрении посемейных списков оказывается, что многие селения представляют из малосемейных от двух и трех братьев, оставляя большие семейства, состоящие в пяти и шести братьях» (ГАПО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 335. Л. 19-19об).

⁴⁴ ГАПО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 424. Л. 417-417об.

⁴⁵ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 474. Л. 602-602об.

⁴⁶ Там же. Ф. 60. Оп. 1. Д. 418. Л. 138-145об.

⁴⁷ Александров В.А. Указ. соч. С. 246-248.

⁴⁸ ГАПО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 409. Л. 182об-183.

⁴⁹ ПСЗ. Т. XXXI. №24853.

⁵⁰ Богданов Л.П. Указ. соч. С. 65.

⁵¹ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 427. Л. 142.

⁵² Там же. Ф. 60. Оп. 1. Д. 409. Л. 206об-207.

⁵³ Там же. Л. 367-368.

⁵⁴ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 344. Л. 454-455об.

⁵⁵ Щепетильников В.В. Указ. соч. С. 3.

⁵⁶ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 31. Л. 83, 85, 92-93, 97; Д. 256. Л. 137; Д. 347. Л. 177, 188-189; Д. 426. Л. 42, 43, 63-63об; Д. 474. Л. 162-162об, 166, 172, 209, 224, 231.

⁵⁷ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 424. Л. 31-31об. Князь Г.С. Голицын предложил всем земским судам и городничим «вместо редовых провожать рекрут обывателями от селения до селения или от одного уезда до другого при личном надзоре земских или дворянских чиновников» и для препровождения рекрутских партий из числа дворян выбрать четырех чиновников (Там же. Л. 33-34).

⁵⁸ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 474. Л. 94.

⁵⁹ Там же. Л. 96-98, 102.

⁶⁰ Там же. Л. 133, 135.

⁶¹ Там же. Л. 132-132об.

⁶² Там же. Л. 127.

⁶³ Герасимов приводит следующие формулировки для болезней, которые вынудили его оставить рекрутов в госпиталях по пути следования рекрутской партии: «за открывшимися на ногах и всем теле струпьями» - 1, «за горячкою» - 6, «за лихорадкою» - 2, «за ранами на правой ноге» - 2, «за болью живота и поясницы» - 2, «за венерической болезнью» - 2, «за болью головы и расслаблением всех членов» - 2. В то же время причиной смерти 5 рекрутов явились «горячка» (3 случая), «водянка», (1), «от простуды рожею на лице» (1). Из 7 бежавших рекрутов 4 через день после своего побега вернулись сами и продолжили путь в рекрутской партии. См.: ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 474. Л. 231, 314, 315-315об, 322-322об, 339-340об, 344-345об, 386-386об, 387, 422-422об, 428-428об, 430, 436, 458, 487-487об.

⁶⁴ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 441. Л. 74. Циркулярные предписания С.К. Вязмитинова явились следствием царского указа, по которому для лучшего сбережения рекрутов 3 раза в неделю была назначена винная

порция, в скоромные дни - мясная пища, в постные - щи с рыбой или сметками, или горох. Плата обывателям за пропитание рекрута была увеличена на 5 коп. в день.

⁶⁵ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 441. Л. 164.

⁶⁶ Там же. Л. 128.

⁶⁷ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 347. Л. 134-134об.

⁶⁸ Так, в сентябре 1814 г. тамбовский губернатор Шишков сообщал князю Г. С. Голицыну о неблагоприятных поступках начальника одной из рекрутских партий, коллежского регистратора Шагорова и воровстве рекрутов. Находясь на дневке в с. Лысье Горы, Шагоров избил местного крестьянина. А когда священник того села Антон Кондратьев и дьячек Максим начали его увещевать, то «избил в кровь» и их, а дворянского чиновника Тамбовского земского суда Есикова, который удерживал его, «ругал непристойными словами». «В то же время команды его рекруты отбили у однодворца Терентия Кареева 15 рублей, а у солдатки Авдотьи Смагиной вытащили из дома сундук с деньгами, 27 рублями 50 копейками, 3 женские рубашки и 20 аршин сукна тонкого» (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 474. Л. 490-190об). Не случайно народные пословицы отражали тягу «служивых» (как рекрутов, так и солдат) к воровству: «Солдат и добрый человек, да плащ его хапун», «Шинель - постель, шинель кошель, а руки - крюки (что зацепили, то и потащили)», «С постоя хоть ложку деревянную, а украсть что-нибудь надо».

⁶⁹ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 441. Л. 174.

⁷⁰ Там же. Д. 425. Л. 24-24об.

⁷¹ Там же. Л. 25-25об.

⁷² Там же. Д. 426. Л. 108-109. В списке татар Мочалейской волости, находящихся в Астрахани, на которых состоит рекрутская очередь, значится 47 семей. По 84-му набору татарские деревни должны были выставить 58 рекрутов, из которых в срок было поставлено лишь 11 (Там же. Л. 110-111 об).

⁷³ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 352. Л. 295-295об.

⁷⁴ Там же. Ф. 23. Оп. 1. Д. 85. Л. 119-122.

⁷⁵ Там же. Ф. 60. Оп. 1. Д. 409. Л. 548-548об.

⁷⁶ Там же. Ф. 30. Оп. 1. Д. 72. Л. 4-4об.

⁷⁷ Там же. Д. 197. Л. 1 об.

⁷⁸ Там же. Ф. 30. Оп. 1. Д. 32. Л. 2-2об; Д. 46. Л. 1, 37-37об; Д. 49. Л. 1-1об; Д. 64. Л. 2-3; Д. 68. Л. 1; Д. 70. Л. 1; Д. 72. Л. 4-4об; Д. 82. Л. 1-1об; Д. 93. Л. 5-5об; Д. 155. Л. 1-1об; Д. 179. Л. 1-1об; Д. 185. Л. 1-1об; Д. 196. Л. 3-4об; Д. 197. Л. 1-2.

⁷⁹ Например, В.Н. Бочкарев отмечает, что в Старорусском уезде Новгородской губернии во время наборов 1812 г. были обнаружены случаи массового членовредительства: из 252 представленных рекрутов 41 человек оказались «с отрезанными пальцами и с растравленными ранами на руках и ногах». См.: *Бочкарев В.Н. Война и правительство // Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. 5. С. 4.*

⁸⁰ *Пушкарев А.Н. Солдатская песня - источник по истории военного быта русской регулярной армии XVIII - первой половины XIX в. // Вопросы военной истории России. М., 1969. С. 426.*

⁸¹ Письма из эпохи 1812-1815 годов // 1812 год в воспоминаниях, переписке и рассказах современников. М., 2001. С. 102, 106; Наполеон в России глазами русских. М.: Захаров, 2004. С. 120, 123.

⁸² ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 345. Л. 853-853об. По решению Пензенской палаты уголовного суда Матвей Николаев был приговорен к наказанию плетьюми.

⁸³ ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 385. Л. 652.

⁸⁴ Там же. Д. 347. Л. 150-151 об.

⁸⁵ Там же. Л. 135-136об.